

ГЛАВА 1

НЕ ДАВАЙ ЗАМЕРЕТЬ МЫСЛИ

Возле комнаты Кошечки в доме «Благоуханный лотос» шла игра в «голых островитян». Пять куртизанок третьего разряда из числа подопечных старой Кувшинной Рожи танцевали под резкие ритмичные удары ручного барабана и отрывистые звуки струн *сямисэна*¹. Когда музыка прекращалась, женщины застывали на месте, и если какая-либо из них шевелилась, она должна была скинуть с себя что-нибудь из своих одежд.

По мере того как чаши рисового вина пустели и молчаливые слуги вновь наполняли их, танцовщицам становилось все труднее оставаться неподвижными, когда умолкал барабан. У ног женщин лежали, как сверкающие воды разноцветного озера, их шелковые верхние и нижние одежды и длинные парчовые пояса. Жесткие белые хлопчатобумажные носки с широкими верхами скользили по волнам этого озера, словно утки.

Игра дошла уже до того момента, когда в нее включаются гости. Один из них, кажется, танцевал, набросив нижнюю одежду куртизанки себе на голову. Кошечка слышала хихиканье хозяйки этого наряда, которая пыталась вернуть похищенное.

Кошечка сидела на коленях и смотрела на своего умирающего гостя. Она воспринимала звуки веселья словно шум далекого водопада или урагана. Куртизанка все еще не сняла с себя шелковое платье цвета лаванды и тяжелый парчовый пояс. Поверх платья был накинут плотный сатиновый плащ цвета сливы, по которому бродили павлины и летали малинового цвета кленовые листья, — этот плащ защищал Кошечку от прохлады одиннадцатого месяца. Свисавшие до пола тяжелые рукава плаща были аккуратно сложены крест-накрест, словно у важной гостьи на чайной церемонии.

¹ Сямисэн — японский щипковый трехструнный музыкальный инструмент. Ближайший европейский аналог сямисэна — лютя. Относится к традиционным японским музыкальным инструментам (*здесь и далее прим. ред.*).

Мягкий свет напольной лампы выхватывал из мглы длинную наклонную линию шеи Кошечки — подъем к блестящим черным петлям и крыльям ее прически. Воротники ее одежд, откидываясь к спине, открывали самую соблазнительную часть женского тела — чувственный изгиб у основания шеи. Лицо Кошечки, своей изящной формой напоминавшее семечко дыни, ярко блестело. Огонь лампы отражался золотистыми точками в ее темно-карих глазах.

Это были «глаза ласточки» — длинные и с косым разрезом. Черные брови Кошечки, расширяясь на кончиках, как два пера, изгибались симметричными дугами, словно усики бабочки-шелкопряда. Ученые, определявшие характер человека по его внешности, считали, что такие брови бывают у людей, которые сами принимают решения и всегда выполняют их. Узкий нос с высокой переносицей и полные маленькие губы отбрасывали тень на белоснежную щечку.

Кошечка была столь же образованна, сколь и красива. Она являлась тайной дочерью князя Асано и его «жены вне дома» (то есть младшей жены), с малых лет изучала музыку, литературу и другие искусства и никогда не думала, что ей придется совершенствовать свои таланты в «доме выбора» в веселом квартале Эдо. Ужасная трагедия навлекла немилость властей на ее родителей.

Год назад Кошечка, настоящее имя которой было Кинумэ — Золотая Слива, — пришла сюда пешком: в Ёсиваре, веселом квартале Эдо, паланкины были запрещены. Она пряталась под полосатым дорожным плащом и широкополой плетеной шляпой из осоки. Два бывших носильщика сундуков ее покойного отца плелись за ней, таща на палке большой плетеный короб. В нем находились шелковые платья и пояса Кошечки, ее любимые книги и свитки, набор лакированных косметических принадлежностей и несколько дорогих ей безделушек и вещей.

Кошечка сама подписала контракт с хозяйкой гостиницы «Карп», где решила поселиться. К тому времени, когда убитая горем мать узнала, что натворила дочь, было слишком поздно что-либо менять.

Когда высокие деревянные сандалии девушки застучали по синевато-серым плиткам, устилавшим пол прихожей «дома выбора», ее вдруг охватил такой ужас, что она чуть не повернула обратно. Но характер, доставшийся Кошечке от отца, не позволил

чувству возобладать над рассудком. С той поры страх, горе и одиночество надежно таились под маской спокойствия на ее очаровательном лице.

В тогдашней Японии был распространен обычай принимать новое имя, начиная важное дело. Дочери князя, вынужденной скрывать свое происхождение, этот обычай играл на руку. Куртизанка по прозвищу Ржанка стала называть свою подругу Конэко — «Кошечкой».

Ржанка произносила это новое имя нежно, и оно прижилось. Другие девушки заведения стали звать Кинумэ Кошечкой, потому что она была изящна, держалась в стороне ото всех и была непредсказуема в своих поступках. Но печаль Золотой Сливы так и не отлегла от сердца, не ушла вместе с прежним именем, поэтому все, что могла позволить себе Кошечка — это лишь встречать удары судьбы без ропота и жалоб, как и положено отпрыску благородного рода.

Кошечка исполняла свои обязанности в доме выбора «Благоуханный лотос» с изяществом и сдержанностью, присущими женщинам ее происхождения и воспитания. Она уже получила здесь второй разряд, но предпочитала играть роль *таю* — куртизанки высокого класса. Молодая женщина поражала гостей глубиной ума, вела себя церемонно, говорила мало, и мужчине нелегко было понравиться ей.

Было известно, что Кошечка часто отказывала мужчинам в своей благосклонности — эту роскошь позволяли себе только *таю*. И гостям Кошечки всегда приходилось долго ухаживать за ней, прежде чем она соглашалась развязать свой пояс. Так случилось и в этот вечер. Однако, похоже, сама судьба избавила ее от необходимости высокомерно, но вежливо отказать сегодняшнему гостю.

Скромно подобрав ноги под себя так, чтобы одна обтянутая белым чулком ступня лежала на другой, Кошечка сидела, откинувшись на пятки. Холодные тугие переплетения толстых и жестких циновок-*татами*, покрывавших деревянный пол, слегка прогибались под давлением ее ступней и колен. Кошечка едва заметно наклонилась вперед, чтобы как следует рассмотреть гостя.

Сначала она с облегчением подумала, что он напился до беспамятства разбавленным водой *сакэ* старой Кувшинной

Рожи. Это было бы совсем неплохо: гость оказался одним из тех мужчин, у которых беспамятство являлось самым желанным для окружающих состоянием.

Кошечка подумала оставить его там, где он лежит, развалившись на трех толстых тюфяках, положенных друг на друга. Пусть этот урод проспится и проснется на следующее утро с головной болью, приступами тошноты, разрывающей желудок, словно там ворочается клубок осьминогов или медуз, и горьким сознанием, что ему придется уплатить немало денег за возможность чувствовать себя так плохо.

Плотная, подбитая ватой одежда из желтой хлопчатобумажной ткани, помеченная знаком дома «Благоуханный лотос», смялась под гостем в складки, открывая кривые волосатые ноги, широко раскинутые в небрежной позе. Слюна сочилась из полуоткрытых губ, пузырясь как пена, и стекала тонкой струйкой с подбородка. Пучок, в который были собраны жесткие черные волосы, сбился набок, глаза открыты.

Не вставая с колен, Кошечка пододвинулась ближе и коснулась горла гостя двумя бледными тонкими пальцами с безупречным маникюром. Ничего: ни малейшего следа биения сердца. Душа посетителя покинула его не отличавшееся красотой тело и никогда не вернется назад. Те, кто займет ее место, будут маленькими, белыми и безногими. Дерзкая муха, прилетевшая из отхожего места, уже заинтересованно летала вокруг.

Кошечка почувствовала, как панический страх охватывает ее, поднимаясь откуда-то из-за пупка, из того места, где, по представлениям японцев, обретается душа человека, и сделала несколько глубоких вдохов. Она должна быть спокойной. Она должна подумать. Скоро сторож отметит ударами своей трещотки начало часа Крысы — полночь, а в полночь Сороконожка закроет дверцу в Больших воротах и запрет мертвеца рядом с Кошечкой до часа Петуха.

Теперь Кошечка была уверена, что гость ее убит изошренным орудием убийства, вернее, тем, что от него осталось и сейчас лежит на лакированном подносе. Плохо очищенная рыба.

На подносе красовался лишь один ломтик этой рыбы, которую японцы называют *фугу*. Он был тонким, как бумага, и таким прозрачным, что Кошечка видела сквозь него рисунок на фарфоровом блюде — синие волны. Одной капли яда, который содержится в печени *фугу*, достаточно, чтобы убить человека, если рыба не очищена правильно.

Когда паралич постепенно охватывал тело гостя, этот человек оставался в полном сознании, но не мог говорить. Он, должно быть, понял, что умирает, ведь у него сначала отнялись руки и ноги, и лишь потом перестали работать легкие и мышцы сфинктера.

«Кира, — подумала Кошечка. — Он не успокоится, пока не убьет меня».

Завтра четырнадцатое число. Этим числом завершался очередной месяц со дня самоубийства ее отца, а князь Кира Кодзукэ-но сукэ Ёсинака был виновником его смерти. Возможно, Кира опасался мести со стороны Кошечки, а может, князь просто решил уничтожить ее как будущую мать еще не появившихся детей, которые станут угрожать ему по прошествии времени.

Кошечка кольнула палочкой для еды последний ломтик *фугу*. Не часто смерть появляется в такой элегантной упаковке. Прозрачные ломтики бледного рыбьего мяса были артистически уложены в форме летящего журавля. Журавль символизировал долголетие, и этот иронический жест был вполне в духе Киры. К тому же *фугу* считалась еще и мощным средством для повышения мужской силы, именно поэтому гость ел ее так жадно. Щепотка смерти была приправой и к еде, и к греховным желаниям.

Кошечка жалела о смерти гостя лишь из-за сложностей, которые могли у нее возникнуть. Этот человек недавно получил наследство и сорил в Ёсиваре деньгами, как соломой. Он служил государственным чиновником в финансовом ведомстве, на военной службе числился знаменосцем и был невероятно честолюбив. Его дыхание плохо пахло, лицо походило на горшок для солений, а стихи были надуманным сочетанием банальных фраз. Кошечке он казался теперь чем-то вроде слизняка, который прополз через ее комнату, оставляя за собой липкий след. Его останки навлекут большие неприятности на Кувшинную Розу, «тетушку», то есть хозяйку «Благоуханного лотоса», но все-таки не о ней надо сейчас думать. Важно одно — князь Кира пытается убить Кошечку.

Сидя на *татами* цвета пшеницы в пятне бледно-золотистого света от стоявшей на полу лампы, Кошечка углубилась в себя.

*Платком размером сяку на сяку мы бесконечность обвиваем.
Из сердца, что размером в сун, потоп на мир мы проливаем.*

Эти строки древнего стихотворения успокоили ее. Закрыв глаза, Кошечка увидела перед собой увлажненную тушью кисть, которая

выводила их яркими черными штрихами на китайской бумаге². Одно мгновение душа дочери князя Асано находилась в «сердце размером в дюйм» — в самой сердцевине ее «я». Кошечка не стала задерживаться там слишком долго, потому что Миямото Мусаси в своей «Книге пяти колец»³ предупреждал: нельзя позволять замереть мысли. Кошечка знала — ей надо действовать.

Стройная и изящная как ирис, она встала, шурша шелками, и скользящими шагами пересекла изысканно обставленную комнату. Темно-лиловый сатиновый плащ тянулся за ней волнистыми складками. Молодая женщина сдвинула в сторону створку бумажной стенки и вошла в свою маленькую гардеробную. Эта комнатка была столь же уютной и переполненной вещами, сколь унылой и пустой казалась покинутая приемная. Вещицы из туалетного набора Кошечки были разложены на покрытых черным лаком полочках. Оправы зеркал, гребни, расчески, флаконы, шкатулки и ручки кисточек гармонировали по цвету. На каждой из этих туалетных премудростей сиял перламутром герб семьи Асано — скрещенные перья. Большой оранжево-рыжий кот спал на одной из верхних полок, где находились книги и *сямисэн* с длинным грифом, на котором Кошечке в детстве училась играть.

Кошечка подошла к ширме, стоявшей в противоположном углу гардеробной. Нарисованные на ней крутые черные склоны скал, серые облака, сосны с их блестящими иглами и серебристые завитки тумана манили к себе. Кошечка пожалела, что не может войти в картину и затеряться в этом пейзаже.

— Бабочка... — Кошечка зашла за ширму, опустилась на колени возле одинокого тюфячка и ласково растолкала девочку, спавшую на нем под двумя тонкими одеялами.

— Землетрясение? — Девочка мгновенно села, вытянувшись в струнку, и тут же вновь повалилась на постель, сообразив, что не слышит стука черепицы.

— Вставай!

— Который час, хозяйка? — пробормотала Бабочка.

² Вся культура стран Дальнего Востока от письменности до искусства чайной церемонии, фарфора и шелка основана на классической культуре Древнего Китая. Поэтому все китайское там считалось дорогим и изысканным.

³ Миямото Мусаси (1584–1645) — японский ронин, один из самых известных фехтовальщиков в истории Японии. За два года до смерти, удалившись в пещеру на горе Кимпо, написал «Книгу пяти колец» о тактике, стратегии и философии военного дела. Книга пользуется популярностью и в настоящее время, так как ее принципы применимы и в социальной жизни.

Кошечка взглянула на стоявшую на полке курильницу. Там медленно горели благовонные палочки, которые не только распространяли приятный аромат, но и отмеряли время.

— Почти середина часа Свиньи. Сороконожка вот-вот закроет Большие ворота. Нам надо торопиться.

— Куда мы идем? — растерянно спросила Бабочка: время было слишком поздним и для прогулок, и для того, чтобы бежать куда-нибудь по делу. И потом, она не выходила за границу веселого квартала уже два года — с тех пор, как ее обнищавшая мать совершила безумный поступок, продав семилетнюю дочь своднику. Насколько было известно Бабочке, ее хозяйка также выходила за пределы квартала всего несколько раз. Почти все «белошвейки», как называли куртизанок, покидали Ёсивару только мертвыми или умирающими. Неужели ее хозяйка умирает?

— Ты мне нужна: распусти мои волосы, — прошептала Кошечка через плечо, появляясь из-за полок с грубым глиняным кувшином воды в руках. Бабочка торопливо обернула фартук вокруг своей подбитой ватой ночной одежды, засучила рукава и призадумалась: Кошечка никогда не носила для себя воду сама — Кувшинная Роза держала для такой черной работы небольшой отряд горничных, служанок и учениц.

Однако Кошечка явно не собиралась ничего объяснять, и девочка не решилась задавать ей вопросы. Она опустила на колени за спиной хозяйки, которая уже сидела перед стоявшим на лакированной подставке большим круглым зеркалом. Пока Бабочка развязывала скрытые в волосах бумажные ленты, закреплявшие ярусы завитков и спадающих вниз локонов, из которых состояла прическа Кошечки, та щеткой стирала белую пудру с лица.

— Как мне уложить их, хозяйка? — тихо спросила Бабочка. Она поддерживала ладонью лавину мягких блестящих волос, свешивавшихся с ее руки, и продолжала благоговейно погружать в них гребень.

— Просто перевяжи.

Бабочка обвила волосы госпожи красной бумажной лентой и завязала ее чуть выше талии Кошечки. Такая прическа была теперь не в моде, и с ней Кошечка выглядела одетой по старинке придворной дамой императора. Убрав пудру с лица, шеи и рук, Кошечка окунула щетку в баночку с краской и густо подчеркнула

круто изогнутые дуги бровей. С черными широкими бровями и несколькими веснушками на носу она стала похожа на дьявола, вернее, на очень красивую дьяволицу.

Веселье за соседней дверью нарастало. Гуляки там гомонили так, что компания, развлекавшаяся в смежной с ними комнате, раздвинула стенку между помещениями и присоединилась к ним. Кто-то из гостей натянул бугристую кожу морского слизняка на свой поднявшийся «предмет». Одна из женщин, взяв краску для зубов, нарисовала на этой коже смеющееся лицо. Теперь разрисованный «предмет» двигался впереди своего владельца, и смеющийся человечек вел за собой всех гостей в игре «движение за ведущим». Барабан звучал через равные интервалы, отбивая четкий ритм, и бумажные стены дрожали вокруг голых подвыпивших участников оргии, которые длинной цепочкой обходили в танце по кругу широкое помещение.

— Помоги мне вытащить его отсюда.

Кошечка быстро и ловко завернула гостя в одеяло. Она проделала это так аккуратно, словно перед ней лежало не бездыханное тело, а груда грязного белья, которое она меняла ежедневно. Одеяло имело форму большого *кимono*, и Кошечка просунула его нижний конец между раскинутыми ногами мертвеца, а потом связала этот конец с «рукавами». Получился большой узел, из которого торчали в разные стороны худые мужские ноги. Открытые глаза гостя взирали на Кошечку с немим укором, а из открытого рта его, казалось, вот-вот вырвется крик возмущения.

— Может, я разбужу его?

Бабочка дотронулась до руки гостя и взвизгнула от ужаса: рука была жесткой, как бамбуковая щетка для почесывания спины.

— Только сам Амида Будда, наш изначальный учитель, может разбудить его теперь.

Кошечка слегка стукнула маленькую служанку по голове сложенным веером, чтобы та пришла в себя:

— Будь уверена: ему все равно, что мы делаем. И я не убивала его: *фугу* была плохо очищена.

Бабочка в ужасе взглянула на тонкий, как бумага, ломтик рыбы, концы которого загибались вверх по мере того, как он высыхал. Рядом с ним валялась мертвая муха. Когда Кошечка

и ее маленькая служанка стащили труп с тюфяков, он ударился об пол с глухим стуком и повалил высокий железный подсвечник.

Бабочка нервно хихикнула, прикрывая рот ладонями. Кошечка встревоженно огляделась вокруг. Ей незачем было волноваться: извивающиеся тени за бумажными дверьми, ведущими в полутемные внутренние покои дома терпимости, не замерли — профессиональная любовь шла своим заведенным порядком. Там по-прежнему слышался смех и раздавались удары барабана. Издалека лились звуки *сямисэна*.

— Посмотри, есть ли кто-нибудь в кладовой?

Физически Кошечка была развита неплохо, хотя с виду казалась субтильной и хрупкой. По скользким *татами* она подтащила узел к проему, через который вышла Бабочка, выглянула в узкий коридор и внимательно осмотрела его. Первый раз она обрадовалась тому, что старая Кувшинная Рожа вселила ее в эту комнату в задней неуютной части дома.

Бабочка уже бежала назад и так торопилась, что путалась ногами в подоле собственного платья.

— Там пусто? Хорошо. Теперь найди свечу, она на полке рядом с книгами. Зажги ее и принеси сюда.

— Вы спрячете его там? — Бабочка поворотом головы показала на темный вход в кладовую.

— Я замариную его, как баклажан.